

Елена Кетклин

НЕ СТАВШЕЕ ГЕРБАРИЕМ

СИГНАЛ

Мне кажется, что многоточия
Письмо лишают дисциплины.
Так превышают полномочия
Без уважительной причины.

Так верят в знаки чудотворные,
А чуда нет и не бывало.
Так открывают дыры черные,
Заглянешь в них — считай, пропала.

Как понасеют, понатыкают,
Строфа вот-вот заколосится.
Как будто мысль растят великую,
Но мысль никак не уродится.

Они нужны в особом случае,
Когда не в холоде, так в пекле
В тебе все сильное, живучее
Ослабнет. Вот тогда не медли.

Добавь пунктир для понимания.
Посредством звука, света, строчки
Отправь мне краткое послание:
Три точки, три тире, три точки.

КИТ

А в сердце тот, кто век не спит,
Ворочает огромной мордой.
Представь, что это синий кит
Из атлантического фьорда.

Он, уходя от гарпуна,
Заплыл в спасительное русло,
Отчаянье испил до дна
И берега развел до хруста.

Теперь ты тоже океан,
Где всё никак не успокоясь,
Как симфонический орган
Звучит его громадный голос.

Так подбирают жизнь на слух
И, не произнося ни слова,
Сурово вышибают дух
Из инструмента духового.

Господь тут явно намудрил:
Пока лепил, бодряжил краски,
В гортань китовую забыл
Вложить голосовые связки.

Но он поет, черт побери!
И это только вполнакала.
Как тяжело с китом внутри.
Я тоже долго привыкала.

ЧУДОВИЩЕ

Палата заселялась, как страна,
И с жителями я была знакома:
Вот тетя кормит Катю, у окна
В коляске спит малышка из детдома.

А бабушка, по тумбочке долбя,
Ругалась матом, пела панихиду,
Плевала в нас, ходила под себя.
Но мы жалели бабу Степаниду.

Катюшу мать Сокровищем зовет,
Меняет бабке мокрые пеленки.
Малышку моет, помощи не ждет,
Дела ее заметны, но негромки.

Мне лучше всех — закрытый перелом.
На Катеньке — корсет уткнулся в шею.
А мать ее катает в горле ком,
Когда глядит в коляску, как в траншею.

Там не солдат с гранатами в руках,
Там Надя потянулась к погремушке.
Худая, в разноцветных синяках,
И ножки, словно лапки у лягушки.

Под Катин плач и бабкино нытье
Чужая мать чужую дочь ласкала.
«Чудовище прекрасное мое!», —
Шептала, целовала, бинтовала.

Двухместная палата номер два —
Как много боли, счастья, кислорода!
И в гипсовой символике родства
Я выписалась. Вышла из народа.

Ты скажешь: преувеличение —
мои поступки и слова.
А ты представь, что я — растение,
едва заметное, едва

вчера не ставшее гербарием
под равнодушный свист косы.
Я вся промокла от испарины,
а не от утренней росы.

Гербарий — ладно. Сеном, силосом,
под ноги брошенным скоту.
Но дунул ветер — уклонилась я!
Так и стою еще, расту.

Так и живу, в туман одетая,
обута в глину и песок.
Как человек — едва заметная,
от гибели на колосок.

ИГЛА

Не проигрыватель, врачеватель,
Что идет на осознанный риск,
Сжал спасительный иглодержатель
И глядит на виниловый диск.

Ставь на черное. Это обычай,
Безошибочное амплуа.
Выбирай — барабан Бадди Рича
Или клавиши Шарльбуа?

Понеслось беспокойное племя
На сапфировое острие —
Время юное, зрелое время,
Не прошедшее время твое.

Так, наверно, выходят из комы,
Из теней превращаются в свет.
Эй, привет! Мы до боли знакомы.
Ты боишься уколов? Я — нет.

А теперь окажи мне услугу —
Пусть поглубже проникнет игла,
Чтобы память, вращаясь по кругу,
До беспамятства нас довела.

